

Яркий солнечный свет лился с чистого неба, усеянного изолированными, почти болезненно белыми облаками. Температура была душной, тридцать четыре градуса, но энергичный бриз помогал, растягивая яркие вымпелы на древках, окружавших стадион Янкуловский, отрывисто хлопающим равномерным строем. Высокие, ступенчатые трибуны стадиона полностью закрывали футбольное поле, защищая его от худших эффектов бриза (и, к сожалению, отрезая его от большинства эффектов охлаждения), но это все равно влияло на игру, особенно на удары вратарей. Из-за жары было не удивительно, что продавцы напитков делали отличный бизнес, а шоттеборское пиво всегда было хорошим. И крепким. Было очевидно, что, по крайней мере, несколько зрителей уже на самом деле в этом переусердствовали, но люди безопасности Сокола, многие из которых в рабочее время были городскими полицейскими, держали ситуацию в руках, и люди действительно в этих условиях вели себя хорошо.

Это была не обычная игра в очень популярный на Шоттеборе футбол, и, несмотря на жару, стадион был заполнен. Здесь были только стоячие места и спекулянты делали хорошие деньги, продавая билеты, в том числе немало на не существующие сидячие места, - так как Драконы Бенешова сражались против Кавалеристов Модрани в одной из самых ожидаемых игр года. Пока игра не разочаровывала фанатов. В Янкуловском было 38 000 мест...и ни одно из них не было свободным, когда правофланговый Драконов обыграл крайнего, а затем развернулся, чтобы обойти слева центра Кавалеристов.

Все трибуны вскочили на ноги, когда он отдал мяч Петру Беднару, самому результативному игроку в системе Куманг. Беднар принял мяч левой ногой, прошел правого центра Кавалеристов, а затем переместил свою доминирующую правую ногу за левую в обманном ударе, который поймал вратаря Кавалеристов, бросившегося вправо. Это было красиво выполнено, и мяч влетел в верхний правый угол сетки пятьсот пятым в карьере голом Беднара.

"Да!" Даниэль Капичка вскочил на ноги в президентской ложе, подняв сжатые кулаки над головой. "Да! Боже, это было прекрасно!"

"Да, неплохо," - спокойно ответил Адам Шимл. Он поднялся со своего места, хотя бы для того, чтобы лучше рассмотреть море голов между ним и полем, и снова сев покачал головой. "Я помню, когда Петр начал играть в одной из местных команд Сокола. Он был всего лишь мальчиком - около двенадцати, я думаю, - и уже тогда он любил эффектную игру. К счастью, у него был атлетизм, чтобы показывать это! Ты видел, как он забил гол Воронам "ножницами" на прошлой неделе?"

"Конечно видел! И, говоря о счастье, счастливый Сокол дал ему возможность развивать этот атлетизм. За много лет ты дал это огромному количеству игроков, Адам. Я не знаю, где был бы футбол без ваших людей," - тепло сказал Капичка, садясь в удобное мягкое сиденье.

Скользкие кристопластовые панели в передней части ложи закрывались, чтобы создать пространство кондиционированной прохлады, но Шимл даже не подумал предложить это. Министр общественной безопасности Капичка в юности был фанатичным футболистом, полузащитником "от штрафной до штрафной", который преуспевал в позиции, требовавшей выносливости и неустанной тяжелой работы. Он играл как в младших школах, так и на уровне колледжа, хотя он никогда не делал этого в одной из профессиональных команд. Во всяком случае, он не был в стартовом составе одной из команд, которые регулярно соревновались, и он не мог согласиться на "второе место" в чем угодно. Но он все еще был страстным фанатом. Он хотел физически чувствовать воодушевление толпы в волнах звука, когда переполненный стадион приветствовал, свистел и аплодировал, и он широко улыбался, когда он слушал это

сейчас.

На самом деле, размышлял Шимл, отхлебывая из своей кружки пива, в Даниэле Капичке было довольно много того, что он действительно уважал. Он был амбициозен, он много работал, и он требовал того же от своих подчиненных. Он также скрупулезно вознаграждал тех, кто соответствовал его ожиданиям, был лояльным к тем, кого он считал друзьями, и щедрым на личном уровне, иногда даже за счет амбиций, которые были его движущей силой. К сожалению, он был вполне счастлив сотрудничать с корпорациями, эксплуатирующими систему Куманг. Хуже того, он делал силы безопасности Яна Цабрноха еще более мощными, руководствуясь как личными амбициями, так и убежденностью в том, что между порядком и анархией стоит только Общественная Безопасность.

И он был одним из горячих сторонников Сокола. Шимл не сомневался, что он был абсолютно искренен в недавней похвале, и он отстаивал свою собственную поддержку организации, - пока, по крайней мере, - несмотря на некоторую настороженность Цабрноха к Соколу.

Или, скорее, настороженность Цабрноха к исполнительному директору Сокола.

Интересно, как долго Даниэль может это удержать? Я уверен, что есть политический расчет, который он хотел бы проигнорировать, но я сомневаюсь, что он сможет это сделать достаточно долго. Я уверен, во всяком случае Ждарска даст ему нагоняй из-за меня.

А может быть и нет, подумал он. На самом деле Зузана Ждарска не была дурой. Фактически, у нее были хорошие мозги в тех случаях, когда она решала использовать их. Но по умолчанию она находилась в режиме "тупой объект", и поскольку это нормально работало для шефа персонала президента системы, у нее вышли из привычки более тонкие подходы.

В этом случае, однако, она могла бы на самом деле решить, что немного осторожности не повредит. Она должна осознать, - и Шимл был уверен, что Капичка уже давно понял, - что Карл-Хайнц Сабатино стал самым новым Лучшим Другом Навечно Адама Шимла. Ни один из них - ни Цабрнох, если на то пошло, - не могли поверить, что это произошло потому, что в Сабатино внезапно расцвела поздняя страсть к шотеборским спортивным организациям. И было чертовски ясно, что Капичка и министр финансов Людмила Коварова хорошо знали, как много из щедрой поддержки Сабатино не шло на новые стадионы, оборудование или расходы на персонал.

Это, должно быть, особенно неприятно для Ждарской, подумал он весело, с тех пор, как министерство финансов стало ее инструментом для работы с реальными или предполагаемыми политическими противниками Цабрноха.

Коварова была очень хорошим экономистом. К сожалению, как и все остальные в администрации Цабрноха, она считала, что взятка - одна из привилегий ее офиса, и была совершенно готова грабить жителей Шотебора, чтобы увеличить свое личное богатство. Она также была готова принимать публично позу "чище падающего снега", когда ее часто творческие бухгалтеры обнаруживали, что один из ее политических оппонентов злоупотреблял доверием общественности, пользуясь теневыми экономическими сделками или уклоняясь от своего законного налогового бремени. Это, как правило, делало ее идеальным инструментом для Ждарской, но шотебориане не были настолько глупы, чтобы доверять тем, кого Сабатино решил поддержать.

Это действительно заморозило всех троих, с глубоким удовлетворением подумал он. И пока они в тупике, Даниэль может пойти наслаждаться моими приглашениями разделить

президентскую ложу на такой игре. А если они достаточно грубы чтобы указать, что я не пользуюсь любовью Цабрноха, он всегда может ответить, что остается достаточно близко, чтобы следить за мной, пока они не поймут, что имеет в виду Сабатино. А как только он произнесет имя Сабатино, они втянут свои рога.

Он откинулся назад, держа свое пиво и улыбаясь.

* * *

"Адская игра," - сказал Шимл несколько часов спустя.

Он и Зденек Вилюшинский сидели на веранде разваливающегося "фермерского дома" Вилюшинского, - кто-нибудь из беднейших районов города, возможно, назвал бы его особняком, несмотря на его древность - и держали стаканы холодной водки. Температура здесь, в деревне, упала почти на семь градусов, и ночной воздух был фактически близок к холодному. Звезды сверкали над головой, и звук ветра на деревьях, насекомые и одинокий охотничий свист серого филина, самого умелого из ночных хищников Шотебора, обеспечил желанную тишину после чрезвычайно напряженного дня.

"Адская игра," - повторил он, качая головой. Несмотря на впечатляющий гол Беднара, Кавалеристы выиграли 3-2 после пенальти менее чем за пятнадцать секунд до конца. "Все шло хорошо до самого конца." Он отпил водки. "А Даниэль был так рад моей щедрости разделяя мою ложу, что он настоял на том, чтобы угостить меня банкетом из пяти блюд в Куске Хлеба, чтобы отплатить мне." Он поднял свою свободную руку к губам и поцеловал большой палец. "Великолепно! Интересно, что едят на обед маленькие люди?"

Вилюшинский усмехнулся, но еще более серьезно покачал головой.

"Я рад, что ты хорошо провел время. И ты можешь, черт возьми, взять меня в Кусок Хлеба в следующий раз, когда я буду в столице! Но не слишком увлекайся. Он далеко не глуп, и если он выяснит, что ты на самом деле имеешь в виду, он, вероятно, не обратится к Цабрноху или Ждарской. Он пойдет прямо к Сабатино."

"Я знаю." Шимл откинул спинку стула, вытянул ноги и положил каблуки на перила веранды, в то время как порывистый бриз шевелил его волосы. "Я также знаю, что Ян и Зузана должны сейчас нервничать. Им не важно, что я был осторожен, избегая каких-либо открытых политических шагов. Сабатино делает это для меня, хочу я этого или нет."

"Ты думаешь, он действительно видит тебя в качестве альтернативы Цабрноху?" Вилюшинский казался раздираемым между надеждой и цинизмом.

"Честно говоря, я не уверен, что он знает, что делает." Шимл отпил еще водки. "Я подозреваю, что он начал все, больше как страховой полис, чем что-либо еще. Он может думать о том, чтобы просто поставить меня как вид фасадной оппозиции - популярное лицо для "легитимного политического процесса", которое могло бы отвлечь часть растущего недовольства. Хотя если он считает, что превратил меня в подходящую тряпичную куклу, он действительно может решить пойти дальше и отключить питание Яну. Честно говоря, это был бы лучший результат с нашей точки зрения, не так ли?"

"Это возможно. Это может также убить тебя, Адам." Тон Вилюшинского был очень серьезным. "Тебя может убить Цабрнох - или твой хороший друг Капичка, или даже Симинетти, - если они решат, что есть способ обмануть Сабатино каким-то правдоподобным отрицанием. Если уж на то пошло, они могли бы пойти вперед даже без отрицания, по теории, что Сабатино не может

позволить себе заменить их, если у него больше нет кого-то, - вроде тебя, - ждущего своего часа."

Шимл трезво кивнул, но Виллюшинский еще не кончил.

"И даже если предположить, что этого не произошло, предполагая, что Сабатино пойдет вперед и поддержит изменение режима, которое поставит тебя на пост президента, что произойдет, если - или когда - он или Вернер выяснят, что ты на самом деле имеешь в виду?"

"Вероятно что-то неприятно необратимое," - признал Шимл. "И Карл-Хайнц и УПБ имеют достаточно глубокие связи в Общественной Безопасности, они определенно могли бы спроектировать трагическое убийство или даже "спонтанный переворот". Если, конечно, не будет другой вооруженной, организованной группы, которая могла бы зажечь - прости за глагол - контрпереворот в пользу законно избранного президента."

"Это довольно существенное "если", - указал Виллюшинский. "И подразумевается, что Капичка не поймет, что мы делаем или Цабрнок не решит пришить тебе сначала. Или, если уж на то пошло, Сабатино не поймет, как ты на самом деле расходуешь те деньги, которые переводишь из системы! Как-то я не думаю, что импульсные ружья это та разновидность "пенсионного счета", куда он хочет чтобы ты вкладывал деньги."

"Наверное, нет, но чертовски маловероятно, что он узнает об этой части, особенно если Пастера занимается моими инвестициями и Мартин следит за доставкой. Было очень щедро с его стороны предложить мне воспользоваться услугами Михала, не так ли?"

На этот раз Виллюшинский громко рассмеялся. Многие шоттеборцы работали на своих межзвездных хозяев или на приятелей этих хозяев потому, что у них не было выбора. В случае Михала Пастера он получил работу в министерстве финансов Коваровой сразу после колледжа, и - как хороший, амбициозный слуга народа - при первой возможности перешел в частный сектор. Через несколько Т-лет он стал старшим менеджером текущих операций Фрогмор-Веллингтон в Куманге. Инвестиции Фрогмор-Веллингтон и Ивахара в Куманг могли быть небольшими по межзвездным стандартам; в абсолютном выражении огромные суммы денег приходили и уходили и кто-то должен был заниматься соответствующими мелкими межзвездными расходами гигантских корпораций.

Это делал Михал Пастера для Карл-Хайнца Сабатино. . . который не имел понятия, что Михал пошел работать на Коварову в первый раз по заданию лидера ячейки Искры.

Мартин Холечек, с другой стороны, приехал на Куманг из мира Центра как менеджер грузоперевозок Ивахара Интерстеллар. Он жил в Куманге более десяти лет и женился на местной девушке.

Татьяна Холечкова вынесла определенную степень преследования за ее решение выйти за него замуж. Фактически, некоторые из ее давних друзей отвернулись от нее из-за этого. Она нашла это болезненным, но зато это помогло ей с Общественной Безопасностью и местными сотрудниками охраны Ивахара. Она была одним из коллаборационистов, которые связали судьбу с администрацией Цабрнок и корпорациями, и ее случайные столкновения с бывшими друзьями укрепляли это впечатление.

На самом деле, однако, видимость могла быть обманчива. Таня очень любила своего мужа, несмотря на его работодателя, но комары забрали более половины ее семьи. Она была отчаянной защитницей ее выживших членов, но двое ее младших двоюродных братьев оказались в плохом месте в плохое время, когда раздавались антиправительственные /

антикорпорационные листовки. Ни один из мальчиков не был замешан; они просто были там, когда Силы Общественной Безопасности Шотебора решили, что необходимо отправить "сообщение". Оба они выжили, но один из них пострадал от травматического ранения головного мозга ... и, конечно же, СОБШ обвинял этих злобных, антиобщественных, анархистских изготовителей листовок, которые спровоцировали насилие, бессмысленно напав на защитников правосудия и общественного порядка.

Мартин, - который знал обоих мальчиков и никогда не верил ни слову в официальной истории, - был так разъярен, что решил уйти из Ивахары, но Таня убедил его остаться. Тогда он не понимал почему, но он прекрасно понял год спустя, когда она завербовала его в свою ячейку Искры.

И его должность в Ивахаре поставила его в идеальное положение, чтобы пропускать определенные грузы фермерской техники, содержимое которых не совсем соответствовало их декларациям к местам назначения на поверхности планеты.

"Я уверен, что мой добрый друг Карл-Хайнц ничего не чувствует, кроме спокойствия при мысли, что Михал посетит меня," - продолжал Шимл. "И тем временем, я знаю, он осведомлен, что Ян чувствует все меньше любви ко мне. Фактически, он сказал мне, чтобы я не беспокоился об этом, поскольку он контролирует ситуацию. Он не сказал прямо, что все будет так, пока я продолжаю играть с ним в мяч, но это подразумевалось. На самом деле, это было достаточно ясно, так что я склонен думать, что он серьезно рассматривает возможность поддержать смену режима, если общий уровень недовольства продолжит расти."

"В самом деле?"

"Да. Нет смысла создавать способ сохранить ваши ставки, если вы не хотите использовать его, когда все выглядит так, как будто падает в сортир. Или, во всяком случае, когда кажется, что неблагодарные получатели щедрости вашей корпорации действительно могут думать о стремлении к членству в чем-то вроде Звездной Империи Мантикоры. С другой стороны, вероятно не помешает ... улучшить мои отношения с ним, и я думаю, может быть способ сделать именно это."

<http://tl.rulate.ru/book/10132/281455>